Къ вопросу о культурной роли переселенцевъ въ Сибири и ихъ отношеніяхъ къ сибирякамъ-старожиламъ.

Переходимъ теперь къ главному предмету настоящей статьи — къ характеристикамъ переселенцевъ-староселовъ Ишимскаго округа, Тобольской губерніи.

Ишимскій округъ по отношенію къ составу русскаго населенія довольно рѣзко распадается на двѣ половины—сѣверную, гдѣ переселенческій элементъ почти совершенно отсутствуетъ, и южную, гдѣ переселенцы-староселы составляютъ довольно видную составную часть населенія. Бо́льшая часть переселенцевъ-староселовъ этой мѣстности переселилась изъ Европейской Россіи въ 1852 и 1853 годахъ; это, какъ они иногда сами себя называютъ, «киселевскіе» переселенцы, двинувшіеся «со старины» по иниціативѣ правительства, при его матеріальномъ содѣйствіи и подъ его непосредственнымъ руководствомъ: переселенческія партіи двигались въ сопровожденіи особо назначенныхъ для того чиновниковъ, получая во все время пути кормовыя деньги въ размѣрѣ по 3 копѣйки въ день на каждую живую душу; по прибытіи на мѣсто онѣ садились на указывавшихся имъ администраціей мѣстахъ и получали единовременное пособіе: по 1 четверти ржаной муки на каждую ревизскую душу и сверхъ того на каждый дворъ по 50 р. денегъ и комплектъ важнѣйшихъ земледѣльческихъ орудій (или взамѣнъ послѣднихъ 5 р. деньгами); сверхъ того на первыя 8 лѣтъ они освобождались отъ всѣхъ казенныхъ платежей.

Самую интересную группу изъ «киселевскихъ» представляютъ собой староселы-переселенцы изъ Себежскаго, Люцинскаго и др. уѣздовъ Ви-

тебской губерніи—бывшіе однодворцы, принадлежавшіе на родинѣ къ категоріи «панцырныхъ бояръ» и до сихъ поръ не безъ гордости называющіе себя этимъ именемъ. Они прибыли въ Ишимскій округъ большою партіей и были первоначально направлены въ одну изъ худшихъ, хотя и крайне многоземельную волость—Сладковскую, гдѣ имѣли поселиться вмѣстѣ со старожилами д. Пелевиной и Усовой; но тотчасъ-же по прибытіи на мѣсто переселенцы, убѣдившись въ неудобствѣ предназначенныхъ для ихъ поселенія мѣстъ, исходатайствовали у тогдашняго генералъ-губернатора князя Горчакова разрѣшеніе оставить первоначально намѣченный для нихъ участокъ и выбрать себѣ, по своему усмотрѣнію, мѣсто для поселенія въ одной изъ слѣдующихъ семи волостей: Ильинской, Локтинской, Утчанской, Каменской, Гагарьевской, Казанской и той-же Сладковской; имъ предоставлено было, по усмотрѣнію, либо образовать отдѣльныя селенія съ самостоятельнымъ земельнымъ надѣломъ, либо приписаться къ селеніямъ старожиловъ, причемъ, однако, по разсказамъ «стариковъ», генералъ-губернаторъ предостерегалъ ихъ отъ избранія послѣдняго способа. Получивъ такое разрѣшеніе, партія разбилась на четыре части: самое ничтожное меньшинство осталось на мѣстѣ первоначальнаго водворенія — въ Сладковской волости, въ д. Пелевиной и Усовой,—остальные перешли въ Ильинскую, Утчанскую, Локтинскую и Ларихинскую волости. Изъ выбравшихъ мѣсто поселенія въ первой около половины тотчасъ-же образовали самостоятельную деревню—Ново-Егорьевскую,—изъ остальной половины 40 душъ приписалось къ старожильской д. Копотиловой, въ составѣ которой, безъ всякаго для себя неудобства, остаются до настоящаго времени, а остальные приписались сначала къ д. Далматовой, но вскорѣ, вслѣдствіе постоянныхъ притѣсненій со стороны старожиловъ, выхлопотали себѣ разрѣшеніе образовать особую деревню — Викторову. Въ смыслѣ землевладѣнія всѣ три группы первоначально причислены были къ селеніямъ старожиловъ—Афонькиной, Копотиловой и Далматовой. Но вскорѣ ново-егорьевскіе и викторовскіе переселенцы стали хлопотать объ отдѣленіи своего землевладѣнія отъ старожиловъ и, дѣйствительно, были надѣлены особыми участками; благодаря, однако, проискамъ старожиловъ и неправильнымъ дѣйствіямъ землемѣра оба селенія получили довольно плохіе, сравнительно со старожилами, надѣлы; особенно обижены были крестьяне д. Викторовой, почему часть населенія этой деревни въ 1870 г. выселилась въ Каменскую волость и тамъ образовала д. Гайдукову,—а оставшіеся всякими правдами и неправдами добились слитія своего земельнаго участка съ участкомъ д. Ново-Егорьевской, съ которой и составляютъ нынѣ одну составную общину.—Въ Локтинской волости «панцырные бояре» образовали новое селеніе—Ново-Локтинскую, но бо́льшая часть ихъ приселилась къ старожильскому с. Мизоновскому, гдѣ нынѣ они составляютъ преобладающую

часть населенія. Въ д. Ново-Локтинской переселенцы надѣлены землей отдѣльно отъ старожиловъ, въ Мизоновскомъ—въ общей съ ними дачѣ; жалобъ на притѣсненія и «обиды» съ той или другой стороны не слышно. Такія-же мирныя отношенія со старожилами съ самаго начала установились у «панцырныхъ бояръ» и въ Утчанской волости, гдѣ они сразу образовали два самостоятельныхъ селенія—Ново-Егорьевское и Ново-Ильинское—и получили землю въ двухъ особыхъ дачахъ. Наконецъ, часть «бояръ» перешла въ Ларихинскую волость и образовала, вмѣстѣ съ другими переселенцами, село Ново-Песьяновское.

Въ бытовомъ отношеніи переселенцы-староселы разсматриваемой группы въ значительной мѣрѣ сохранили свою индивидуальность: говоръ ихъ имѣетъ вполнѣ типичный бѣлорусскій характеръ, — они сохранили и свои родныя пѣсни, и преданія, относящіяся къ ихъ собственному прошлому—къ происхожденію ихъ прежнихъ привиллегій и къ исторіи постепенной ихъ отмѣны; они сохранили и многіе изъ своихъ старыхъ обычаевъ и съ негодованіемъ относятся, напримѣръ, къ нѣкоторымъ дѣйствительно несимпатичнымъ свадебнымъ обычаямъ сибиряковъ-старожиловъ; со стороны этихъ послѣднихъ они пользуются большимъ уваженіемъ, которымъ обязаны, главнымъ образомъ, своей трезвости и трудолюбію,—вообще «панцырные бояре» представляютъ собой одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ крестьянскихъ типовъ, съ какими намъ пришлось встрѣтиться при нашихъ изслѣдованіяхъ въ Западной Сибири. Благосостояніе ихъ весьма высоко, причемъ особенно характерно почти полное отсутствіе очень бѣдныхъ—въ частности безлошадныхъ и не имѣющихъ запашки домохозяйствъ,—и все это благосостояніе создалось уже на мѣстѣ, какъ результатъ трудолюбія и удачи: несмотря на правительственныя пособія, переселенцы въ первое время «по приходкѣ» очень нуждались; почти всѣ они жили сначала наемной работой у сибиряковъ, а большинство женщинъ и дѣтей ходило «въ кусочки»; въ д. Ново-Егорьевской (Ильинской вол.) намъ лично пришлось остановиться у богатаго мужика, засѣвающаго по 40 и болѣе десятинъ, имѣющаго нѣсколько десятковъ головъ рогатаго скота,—и этотъ мужикъ разсказывалъ намъ, что первые два-три года «по приходкѣ» онъ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, вмѣстѣ со своею матерью ходилъ по міру. «Заправились» «панцырные бояре» очень быстро—въ какіе-нибудь 5—6 лѣтъ; мы разспрашивали о причинахъ такого быстраго роста благосостоянія и самихъ «бояръ», и ихъ сосѣдей-сибиряковъ: послѣдніе видятъ причину въ особомъ трудолюбіи и бережливости «бояръ,—сами «бояре»,—главнымъ образомъ, въ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, въ очень хорошихъ урожаяхъ, высокой заработной платѣ и дешевыхъ цѣнахъ на хлѣбъ, стоявшихъ въ то время, когда имъ приходилось становиться на ноги и обзаводиться хозяйствомъ.

Подворные владѣльцы «на старинѣ», «панцырные бояре» въ Ишим-

скомъ округѣ всецѣло приняли тѣ формы землепользованія, которыя выработались у ихъ сосѣдей-сибиряковъ: въ Сладковской волости они вмѣстѣ съ послѣдними придерживаются захватнаго способа пользованія, въ Ильинской, Локтинской и Утчанской волостяхъ они приняли сибирскіе способы передѣла пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій и лѣса,—они вездѣ вполнѣ довольны сибирскими общинными порядками и не выказываютъ никакого стремленія возвратиться къ «своему», «россійскому» подворному владѣнію. Витебскіе переселенцы-староселы всецѣло приняли также сибирскіе способы и пріемы земледѣльческаго хозяйства: они переняли безъ всякихъ поправокъ и сибирскую залежно-паровую систему полеводства, и сибирскія орудія и способы обработки земли; единственная ихъ особенность по отношенію къ этимъ послѣднимъ сводится къ способу запряжки боронъ: сибиряки, работая въ нѣсколько боронъ, ведутъ послѣднія одну за другой, привязывая заднихъ лошадей къ идущимъ впереди боронамъ,—«бояре» ставятъ всѣ бороны рядомъ и думаютъ, что при такомъ способѣ бороны работаютъ ровнѣе и чище; во всемъ остальномъ хлѣбопашество у «бояръ» вполнѣ сходно съ сибирскимъ. Но хозяйство первыхъ представляетъ и одну существенную особенность, принесенную съ собой изъ Витебской губерніи, именно значительное развитіе льноводства. Между тѣмъ какъ сибиряки и переселенцы другихъ группъ разводятъ ленъ почти исключительно для домашнихъ надобностей и потому сѣютъ его «по загону» или «по полузагону на стряпку» (рабочую женщину или дѣвицу), причемъ всѣ операціи по культурѣ (кромѣ подъема залежей) и обработкѣ льна исполняются женскими руками,—у «бояръ» льноводство является однимъ изъ важнѣйшихъ, если не важнѣйшимъ источникомъ благосостоянія: средніе домохозяева сѣютъ у нихъ по десятинѣ или по полудесятинѣ льна, зажиточные — по двѣ-три десятины и болѣе, и во всѣхъ работахъ мужики участвуютъ наравнѣ съ женщинами; далѣе, ихъ ленъ, происходящій отъ вывезенныхъ ими изъ Витебской губерніи сѣмянъ, гораздо лучше по качеству и урожайнѣе, чѣмъ у старожиловъ: витебскія сѣмена вовсе не кустятся и даютъ волокно вдвое длиннѣе и гораздо тоньше, чѣмъ мѣстное сибирское, благодаря чему эти сѣмена цѣнятся втрое и вчетверо дороже послѣднихъ. Въ то время поэтому, какъ сибиряки разводятъ ленъ изъ-за одного волокна и, вовсе не дорожа сѣменемъ, обмолачиваютъ только незначительную часть его, — «бояре» для полученія сѣмянъ прибѣгаютъ къ особымъ пріемамъ: они срѣзываютъ, сейчасъ-же по снятіи льна съ поля, верхнія головки, сушатъ ихъ отдѣльно отъ стеблей и изъ однѣхъ только этихъ головокъ вымолачиваютъ посѣвное и продажное сѣмя. Повторяемъ, льноводство имѣетъ въ хозяйственной жизни «бояръ» большое значеніе; но, замѣтимъ здѣсь-же, примѣръ ихъ по причинамъ, которыхъ намъ не удалось выяснить, не нашелъ себѣ подражателей ни между сибиряками, ни между переселенцами изъ другихъ, великорусскихъ и малорусскихъ губерній.

Другую крупную группу староселовъ составляютъ «киселевскіе» же переселенцы изъ разныхъ уѣздовъ Смоленской губерніи, составляющіе почти половину населенія огромной Бердюжской волости *). На родинѣ они были государственными крестьянами-общинниками и выселились въ 1852 г., какъ и витебскіе, по вызову отъ правительства. Между отдѣльными селеніями волости переселенцы распредѣлились очень неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (напр. Полой, Ново-Рямовой) ихъ вовсе или почти вовсе нѣтъ; въ другихъ (Горюнова, Гагарина) вовсе нѣтъ старожиловъ, въ третьихъ переселенцы поселились вмѣстѣ со старожилами и составляютъ въ однихъ бо́льшую, въ другихъ — меньшую часть населенія. Въ отношеніи землепользованія Бердюжская волость надѣлена землею въ нѣсколькихъ крупныхъ районахъ, внутри которыхъ крестьяне сами разграничились «любительными межами»; большинство такихъ районовъ захватываетъ селенія и съ однимъ старожильскимъ, и съ однимъ пришлымъ, и со смѣшаннымъ населеніемъ. Никакихъ особыхъ распрей изъ этого обстоятельства не происходило: хотя въ Бердюжской волости и не прекращается масса поземельныхъ споровъ, но источникъ ихъ — не въ антагонизмѣ старожиловъ и переселенцевъ, а въ крайне неудовлетворительномъ устройствѣ земельнаго надѣла; гдѣ это обстоятельство не даетъ себя чувствовать, тамъ старожилы и переселенцы уживаются очень хорошо, и, напр., горюновскіе переселенцы-староселы до сихъ поръ составляютъ одну сложную общину съ сибиряками д. Ново-Рямовой, что́, конечно, при сколько-нибудь ненормальныхъ взаимныхъ отношеніяхъ было-бы немыслимо.

Хотя и родомъ изъ мѣстности съ установившимися общинными порядками великорусскаго типа и съ выработаннымъ трехпольнымъ хозяйствомъ, староселы-смольняне въ отношеніи земельно-общинныхъ распорядковъ почти вполнѣ ассимировались съ сибиряками: по отношенію къ сѣнокосамъ и лѣсамъ они цѣликомъ приняли способы передѣла, выработанные коренною сибирскою общиною; по отношенію къ пашнямъ они приняли главныя основанія мѣстныхъ порядковъ—отсутствіе дѣленія на поля, аукціонный способъ передѣла и т. д., но въ качествѣ дополнительнаго пріема при распредѣленіи полосъ удержали усвоенный ими на родинѣ жеребьевый порядокъ, котораго коренная сибирская община чуждается, считая его «не божескимъ», не согласнымъ съ требованіями правды и справедливости. Въ области земледѣльческаго хозяйства смоленскіе староселы и думать забыли о «своихъ», «расейскихъ» порядкахъ: они цѣликомъ перешли къ сибирскому, мѣстами, залежному, мѣстами чисто зерновому сѣвообороту, оставили всякія попытки удобрять землю и вполнѣ усвоили мѣстныя орудія и пріемы обработки, а со своей стороны не внесли

*) Нынѣ волость эта разбита на двѣ—Бердюжскую и Пѣгановскую.

ни одного, даже мельчайшаго нововведенія. Что касается до промысловъ, то въ сѣверной, при-Емецкой части волости ремесленно-кустарная дѣятельность развита довольно сильно,—но мы не имѣемъ никакихъ основаній для того, чтобы приписать развитіе ея вліянію переселенческаго элемента.

Въ смыслѣ общаго уровня благосостоянія между старожилами и переселенцами въ Бердюжской волости нельзя установить никакого опредѣленнаго различія: гдѣ земли хороши,—и тѣ, и другіе живутъ зажиточно, гдѣ онѣ плохи, — тѣ и другіе живутъ хуже, — мы не знаемъ ни одного случая, гдѣ особую зажиточность или бѣдность населенія можно было-бы приписать вліянію этнографическихъ особенностей. Обжились переселенцы на новомъ мѣстѣ довольно хорошо и не выражаютъ недовольства Сибирью; мы знаемъ только одинъ случай ухода переселенцевъ изъ Бердюжской волости на другое мѣсто: именно 23 двора переселенцевъ перечислились въ смежную Уктузскую волость, куда ихъ привлекало изобиліе лѣса; они поселились въ д. Полдневой; мѣстное общество старожиловъ охотно дало имъ пріемные приговоры, но затѣмъ, благодаря ихъ причисленію, само вовлечено было въ многолѣтній поземельный споръ съ обществомъ с. Уктузскаго.

Еще раньше двухъ разсмотрѣнныхъ группъ (въ 1848 или 1849 г.) переселенцами изъ Коротоякскаго уѣзда, Воронежской губерніи, принадлежавшими и на родинѣ къ сословію государственныхъ крестьянъ-общинниковъ, было основано очень большое (около 300 дворовъ) село Ново-Троицкое. Переселенцы эти, великорусскаго происхожденія всѣ принадлежали къ зажиточной части крестьянства и потому, хотя и переселялись съ разрѣшенія правительства, не воспользовались никакими денежными и т. п. пособіями, кромѣ льготы отъ податей. Выборъ мѣста для поселенія былъ, однако, сдѣланъ крайне неудачно: занятыя переселенцами на правомъ (нагорномъ) берегу Ишима угодья оказались настолько плохими по качеству и недостаточными по количеству, что въ промежутокъ времени съ 1858 по 1863 годъ все населеніе с. Ново-Троицкаго выселилось въ другія волости того-же Ишимскаго округа, а мѣсто бывшаго с. Ново-Троицкаго по настоящее время стоитъ пустымъ. Главная часть (420 ревиз. душъ) воронежцевъ въ 1858 г. перешла въ Красноярскую волость: около 130 душъ изъ нихъ приселилось къ старожильской д. Жиляковой, пользуются землей вмѣстѣ со старожилами и живутъ съ ними въ полномъ согласіи. Остальныя 290 душъ основали отдѣльное село Ново-Александровское (нынѣ Дубынской волости); сначала село это получило надѣлъ въ общей дачѣ со старожилами с. Дубынскаго; въ 1862 г. оно получило отдѣльный надѣлъ, но благодаря неясности дѣйствій производившаго размежеваніе землемѣра между дубынскими старожилами и воронежцами возникла распря, приведшая къ ряду повальныхъ дракъ и даже къ смертнымъ случаямъ. Затѣмъ около трети населенія бывшаго с. Ново-Троицкаго перешло въ 1863 году въ Утчанскую волость

и приписалось къ обществу старожиловъ д. Шестаковой; но такъ какъ воронежцевъ здѣсь постоянно обдѣляли землею, то они вскорѣ выхлопотали себѣ отводъ земли въ особомъ участкѣ, образовали особое село, которое тоже назвали Ново-Троицкимъ, и теперь живутъ въ полномъ мирѣ и согласіи со старожилами какъ д. Шестаковой, такъ и другихъ окрестныхъ селеній

Воронежцы-староселы с. Ново-Троицкаго, Ново-Александровскаго и д. Жиляковой извѣстны «по всей округѣ» своею высокою зажиточностью — результатомъ какъ ихъ трудолюбія и бережливости, такъ и внѣшнихъ благопріятныхъ условій: значительныхъ средствъ, съ которыми они пришли «изъ Россіи», и отличнаго качества доставшихся имъ въ надѣлъ во всѣхъ трехъ пунктахъ угодій. Въ противуположность староселамъ-смольнянамъ Бердюжской волости, они въ полной мѣрѣ сохранили сознаніе своего «россійскаго» происхожденія и многія бытовыя особенности. Но въ отношеніи способовъ и пріемовъ хозяйства и они во всемъ существенномъ переняли сибирскіе порядки; въ земледѣліи они сохранили только одну особенность—склонность къ посѣвамъ гречихи, которую они, несмотря на почти постоянные неурожаи, продолжаютъ сѣять, хотя размѣры посѣвовъ ея съ каждымъ годомъ и уменьшаются; во всемъ остальномъ земледѣліе воронежцевъ не представляетъ отличія отъ земледѣлія старожиловъ. Существенную особенность представляетъ только скотоводство, и въ частности—овцеводство воронежцевъ: они разводятъ долгохвостыхъ «расейскихъ» овецъ, происходящихъ отъ животныхъ, приведенныхъ ими «со старины»; овцы эти даютъ, примѣрно, вдвое больше шерсти, и притомъ шерсть гораздо болѣе доброкачественную, нежели овцы мѣстной, «сибирской» породы. Между тѣмъ какъ сибиряки держатъ овецъ почти исключительно «для домашности»—для собственнаго обихода, воронежцы имѣютъ въ продажѣ шерсти довольно видный источникъ дохода; они, поэтому, держатъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, гораздо больше овецъ, нежели старожилы, и содержатъ ихъ гораздо раціональнѣе. Какъ «россійскій» ленъ «панцырныхъ бояръ», такъ и «россійскія» овцы воронежцевъ не прививаются однако въ Ишимскомъ округѣ: старожилы, стремящіеся къ улучшенію породы своихъ овецъ, предпочитаютъ «россійскимъ» овцамъ киргизскихъ, дающихъ мало шерсти и разводимыхъ главнымъ образомъ ради мяса и сала,— которыхъ «россійскія» овцы даютъ не больше мѣстныхъ «сибирскихъ». Что касается до формъ землепользованія, то здѣсь воронежцы по отношенію къ покосамъ и лѣсамъ цѣликомъ усвоили «сибирскіе» способы передѣла; въ с. Ново-Троицкомъ сибирскимъ-же аукціоннымъ способомъ передѣляются и пашни. Напротивъ, въ с. Ново-Александровскомъ воронежцы удержали по отношенію къ пашнямъ «россійскій» жеребьевый способъ передѣла, столь несимпатичный сибирякамъ, въ д. Жиляковой, гдѣ воронежцы живутъ вмѣстѣ съ сибиряками, первымъ удалось прове-

сти тотъ-же способъ по отношенію къ ближнимъ пашнямъ, дальнія же передѣляются сибирскимъ способомъ развода по урочищамъ.

Дальнѣйшую многочисленную группу староселовъ-переселенцевъ составляютъ куряне. Самые старинные изъ нихъ пришли вмѣстѣ съ партіею воронежцевъ въ 1826 году и поселились въ Теплодубровской волости. Объ условіяхъ ихъ первоначальнаго поселенія мы ничего не знаемъ; въ настоящее время дѣти этихъ переселенцевъ составляютъ два отдѣльныхъ селенія: куряне—Большую Пріютную, воронежцы—Малую Пріютную, и пользуются землею въ одномъ отдѣльномъ отъ старожильскихъ селеній участкѣ; часть курянъ изъ той-же партіи живетъ въ д. Стрѣлецкой, гдѣ приписана къ обществу старожиловъ и пользуется землей совмѣстно съ послѣдними. Всѣ они почти забыли свое «россійское» происхожденіе и во всѣхъ отношеніяхъ ассимилировались со старожилами.

Другія двѣ значительныя партіи переселенцевъ изъ Курской губерніи прибыли въ Ишимскій округъ въ 1852 году. Одну изъ нихъ составляли крестьяне изъ 11 разныхъ уѣздовъ Курской губерніи, бывшіе крѣпостные мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ; они были выкуплены у послѣднихъ казною и переселены въ Ишимскій округъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими «киселевскими» переселенцами. Эта партія курянъ образовала въ Сладковской волости три новыхъ селенія—Никулину, Малинову и Ловцову,—каждому изъ которыхъ земля была отрѣзана въ особой дачѣ. Обстоятельныхъ свѣдѣній о бытѣ этихъ селеній у насъ нѣтъ; мы знаемъ только въ общихъ чертахъ, что куряне отлично освоились здѣсь и съ залежнымъ хозяйствомъ, и съ захватнымъ владѣніемъ, и только въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ окрестными сибиряками, начали переходить по отношенію къ пашнямъ къ душевому пользованію. Что́ касается до взаимныхъ отношеній со старожилами, то здѣсь куряне являются не обиженными, а обидчиками; имѣя въ своемъ исключительномъ пользованіи отведенные имъ земельные участки, они не стѣсняются рубить лѣсъ за предѣлами ихъ, въ общихъ дачахъ старожиловъ, къ большому неудовольствію этихъ послѣднихъ.

Другую прибывшую въ 1852 г., тоже съ пособіемъ отъ правительства, партію курянъ составили государственные крестьяне изъ Дмитровскаго уѣзда. Они были направлены въ Ларихинскую волость, гдѣ часть ихъ образовала на правомъ нагорномъ берегу Ишима большое с. Ново-Покровское (болѣе 300 рев. душъ), другая часть приселилась къ старожиламъ с. Травного, третья, небольшая, вмѣстѣ съ витебскими «панцырными боярами» образовала с. Ново-Песьяновское. На мѣстѣ с. Ново-Покровскаго въ настоящее время осталась только небольшая деревня того-же наименованія (всего 52 двора); остальное населеніе, вслѣдствіе дурнаго качества пашень, выселилось и причислилось къ старожильскимъ селеніяхъ Долгихъ (Утчанской вол.) и Красному Яру (Красноярской вол.),

гдѣ и живетъ въ настоящее время въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ и въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ сибиряками. Травнинскіе переселенцы, напротивъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны старожиловъ вскорѣ исходатайствовали себѣ отводъ земли въ отдѣльномъ участкѣ и образовали особое село Ново-Травное. Впрочемъ, поземельные споры между ново-травнинцами и старо-травнинцами не прекращаются и до сихъ поръ, причемъ однако, сколько можно судить по показаніямъ безпристрастныхъ лицъ, виновниками розни въ этомъ случаѣ являются не старожилы, а переселенцы.

Переселенцы-староселы этой группы, какъ и другіе, въ смыслѣ какъ общинно-земельныхъ порядковъ, такъ и способовъ и пріемовъ хозяйства, вполнѣ ассимилировались со смежными старожилами и не сохранили никакихъ коренныхъ особенностей. Важную особенность какъ ново-травнинскихъ, такъ и ново-покровскихъ курянъ составляетъ только развитіе коноплеводства и въ связи съ нимъ—выдѣлки грубыхъ веревокъ—«варовины»: средніе дворы сѣютъ въ этихъ селеніяхъ по $^1/_2$—1 десятинѣ конопли и изъ получаемаго волокна вьютъ веревки, продажа которыхъ является у нихъ однимъ изъ существенныхъ источниковъ благосостоянія.

Наконецъ послѣдняя группа курянъ, которую можно отнести къ категоріи староселовъ, это—небольшая партія, которая въ 1879 г. перешла съ первоначально отведеннаго ей въ 1852 г. въ Ялуторовскомъ округѣ мѣста въ Утчанскую волость и здѣсь образовала на свободномъ казенномъ участкѣ д. Цареву; сначала участокъ предоставленъ былъ въ пользованіе переселенцевъ въ полномъ составѣ, но вскорѣ часть входившей въ составъ его земли, какъ излишняя по числу душъ, была отрѣзана въ пользованіе сосѣднихъ селеній старожиловъ; надѣлъ царевцевъ, не пожелавшихъ отказаться отъ твердо усвоенныхъ ими сибирскихъ способовъ хозяйства, сдѣлался для нихъ тѣсенъ, и въ настоящее время царевцы уже помышляютъ о переходѣ на другое мѣсто.

Таковы важнѣйшія по своей численности группы переселенцевъ-староселовъ въ Ишимскомъ округѣ. Мы должны теперь остановиться еще на нѣсколькихъ менѣе многочисленныхъ группахъ—на отдѣльныхъ селеніяхъ, образованныхъ переселенцами, причемъ, однако, будемъ болѣе или менѣе обстоятельно говорить лишь о тѣхъ изъ нихъ, которыя представляютъ по отношенію къ занимающему насъ вопросу какой-либо особый интересъ, и ограничимся простымъ перечнемъ (въ выноскѣ) тѣхъ переселенческихъ селеній, гдѣ староселы вполнѣ ассимилировались со старожилами и не представляютъ никакихъ существенныхъ отличительныхъ особенностей.

На первомъ мѣстѣ мы должны здѣсь упомянуть о малороссахъ-переселенцахъ изъ Воронежской губерніи, составляющихъ около половины населенія д. Метлишной (Соколовск. вол.) и пользующихся землей вмѣстѣ съ живущими въ томъ-же селеніи старожилами. Малороссы эти представляютъ собой

единственный, извѣстный намъ и изъ собственныхъ наблюденій и изъ литературы, примѣръ сохраненія всѣхъ принесенныхъ съ родины особенностей хозяйственнаго быта и полнаго отсутствія стремленія къ усвоенію мѣстныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Метлишенскіе хохлы пашутъ тяжелыми малороссійскими плугами, запрягая ихъ четырьмя парами воловъ; хлѣбъ не жнутъ, а косятъ; молотятъ сыромолотомъ; совершенно не разводятъ овецъ и почти вовсе не держатъ лошадей; но самая существенная, но за то и самая вредная особенность ихъ хозяйства—это чисто-переложная система хозяйства, которую они принесли съ собой съ родины и которой намъ въ Сибири нигдѣ больше не приходилось встрѣчать; эта система отличается отъ сибирской залежно-паровой системы отсутствіемъ пара; одинъ за другимъ сѣется 5—6 хлѣбовъ — сначала двѣ-три пшеницы, затѣмъ два-три овса; совершенно истощивъ, при помощи глубокой плужной пахоты, землю, малороссъ бросаетъ пашню съ тѣмъ, чтобы никогда больше на нее не возвращаться. Пользуясь существующею въ Метлишенской общинѣ свободой захвата общинныхъ земель, хохлы захватываютъ и распахиваютъ всѣ «родные залоги» (никогда не паханныя земли), и, разъ бросивъ пашню, никогда не возвращаются къ ней, а переходятъ отъ одной нови къ другой. Мы задали нѣсколькимъ изъ хохловъ вопросъ, что будетъ, когда они «изгадятъ» всѣ нови?.. «Пойдемъ на другое мѣсто,—былъ отвѣтъ,—гдѣ еще есть родные залоги». Достойно приэтомъ замѣчанія, что сибиряки, живущіе въ Метлишной, не обнаруживаютъ никакой склонности къ усвоенію ни «хохлацкихъ» плуговъ, ни хохлацкаго полеводства, и что они очень сильно жалуются на малороссовъ, которые «портятъ» всю землю?

Въ Уктузскую волость въ 1866 году прибыла партія переселенцевъ изъ бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ Стерлитамакскаго уѣзда, Оренбургской губерніи; бо̀льшая часть этой партіи заняла спеціально вымежеванный подъ новое поселеніе участокъ и образовала здѣсь д. Ново-Михайловку. Выборъ мѣста для поселенія оказался крайне неудачнымъ: никогда не занимавшись раньше хлѣбопашествомъ, ново-михайловцы соблазнились чернымъ цвѣтомъ земли, считая его безспорнымъ доказательствомъ ея добротности; между тѣмъ земля оказалась полу-торфяною, «жидкою» почвою, подверженною заболачиванію и неспособною давать порядочные урожаи; ново-михайловцы, поэтому, не могутъ прокормиться своимъ хлѣбомъ; важнымъ дополнительнымъ источникомъ существованія ихъ является заготовка дровъ въ надѣльныхъ лѣсахъ и продажа ихъ въ г. Петропавловскѣ; когда всѣ лѣса будутъ свезены, ново-михайловцы пойдутъ искать себѣ «новаго мѣста».—Другая часть той-же партіи сначала причислилась къ обществу старожиловъ д. Окуневой, но затѣмъ, вслѣдствіе притѣсненій старожиловъ, большинство новоселовъ въ 1876 г. оставило д. Окуневу и тоже перешло въ д. Ново-Михайловку.

Въ Каменской волости въ старожильской д. Ахтабанѣ живетъ около 10 дворовъ переселенцевъ изъ разныхъ мѣстностей; бо̀льшая часть ихъ имѣетъ отъ общества пріемные приговоры и, не ожидая перечисленія, участвуетъ въ раскладкѣ всѣхъ платежей и повинностей и надѣляется всѣми угодьями наравнѣ со старожилами.

Въ той-же Каменской волости «панцырными боярами», въ числѣ 31 души ушедшими изъ д. Викторовой (см. выше), и небольшою партіею пермяковъ въ 1870 г. была основана на свободномъ казенномъ участкѣ д. Гайдукова. Коренное населеніе окрестныхъ селеній отнеслось къ переселенцамъ крайне враждебно: какъ только состоялось распоряженіе объ отводѣ переселенцамъ участка, старожилы вырубили и вывезли бо̀льшую часть росшаго на немъ лѣса, и впослѣдствіи не упускали случая притѣснять гайдуковцевъ; но и послѣдніе оказались не лучше старожиловъ: въ 1876 г. общество д. Гайдуковой дало пріемные приговоры еще 18 душамъ Пермяковъ, 5 семьямъ переселенцевъ изъ Туринскаго округа и тремъ изъ Вологодской губерніи; эти новые переселенцы до самаго 1888 года, когда мы посѣтили д. Гайдукову, жили здѣсь безъ перечисленія; общество староселовъ облагало ихъ большими сборами (до 3 р. съ головы скота), не отводя имъ земельныхъ надѣловъ; новоселы отказывались платить, за что подвергались притѣсненіямъ со стороны староселовъ; дѣло доходило до волостного суда и описи имущества. Въ 1888 году, какъ намъ сообщалъ тюменскій чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ П. П. Архиповъ, вся эта группа новоселовъ оставила д. Гайдукову и образовала на Лебяжинскомъ участкѣ, въ той-же Каменской волости, новое поселеніе.

Мы обозрѣли такимъ образомъ всѣ болѣе значительныя группы переселенцевъ-староселовъ водворившіяся въ Ишимскомъ округѣ. Сверхъ того здѣсь можно насчитать еще десятка съ полтора болѣе мелкихъ гнѣздъ *)—

---

*) Приводимъ перечень селеній, вполнѣ или частью заселенныхъ переселенцами староселами и не вошедшихъ въ сдѣланный въ текстѣ обзоръ:

Въ Готопутовской волости д. Александровка, на отдѣльномъ участкѣ, пензяки.

Въ Малышенской—въ старожильской д. Шулындиной, харьковцы. Въ с. Свистушенскомъ староселы-пензяки живутъ вмѣстѣ со старожилами, но владѣютъ землею въ особомъ участкѣ.

Въ Красноярской волости въ с. Красноярскомъ вмѣстѣ со старожилами живутъ переселенцы-староселы: 10 дворовъ воронежцевъ, 40 дворовъ пензенскихъ изъ Городищенскаго уѣзда и 70 дворовъ пензяковъ-же изъ Ломовскаго уѣзда.

Въ Соколовской волости д. Жагрина, Ольшанка, Калугина и Безкамышная образованы «сбродомъ»—переселенцами изъ разныхъ центральныхъ губерній; всѣ четыре селенія пользуются землей отдѣльно отъ старожильскихъ селеній.

Въ Каменской волости къ обществу старожиловъ с. Каменскаго приписано нѣсколько десятковъ семей курскихъ переселенцевъ.

Въ Утчанской волости переселенцы, о происхожденіи которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній, образовали д. Гренадерскую; земля въ особомъ участкѣ, отрѣзанномъ отъ старожиловъ с. Утчанскаго.

селеній, цѣликомъ или въ значительной части заселенныхъ переселенцами-староселами. Но и во всѣхъ этихъ селеніяхъ староселы какъ въ отношеніи способовъ и пріемовъ хозяйства, такъ и въ общинно-земельныхъ распорядкахъ, совершенно ассимилировались съ сибиряками-старожилами и не внесли въ хозяйственную и общинную жизнь края никакихъ, даже самыхъ маловажныхъ нововведеній. Взаимныя ихъ отношенія со старожилами въ настоящее время представляются вполнѣ мирными и дружелюбными,—враждебныя столкновенія, гдѣ они и были, ни въ одномъ случаѣ не продолжались послѣ первыхъ нѣсколькихъ лѣтъ по водвореніи переселенцевъ.

Мы желали представить въ настоящей статьѣ только матеріалъ къ выясненію поставленнаго въ заголовкѣ ея вопроса; стремясь сохранить полное безпристрастіе, мы брали данныя о переселенцахъ-староселахъ изъ нашихъ черновыхъ записей, дѣлавшихся въ то время, когда у насъ еще не сложилось по этому вопросу никакого личнаго взгляда, и потому свободныхъ отъ подозрѣнія въ какой-либо предвзятости. Выводовъ изъ приведенныхъ данныхъ мы не будемъ дѣлать: эти данныя, конечно, недостаточны для какого-либо сколько-нибудь общаго рѣшенія вопроса. Что же касается до той мѣстности, къ которой наши данныя относятся, — до Ишимскаго округа, то здѣсь выводъ—по крайней мѣрѣ по отношенію къ вліянію переселенцевъ на общинные и хозяйственные порядки — будетъ самъ собою ясенъ для каждаго и не нуждается въ поясненіяхъ.

Намъ остается высказать пожеланіе, чтобы примѣръ нашъ нашелъ подражателей, — чтобы вопросъ о взаимномъ отношеніи переселенческаго элемента и кореннаго сибирскаго населенія изъ области общихъ, болѣе или менѣе скороспѣлыхъ разсужденій перешелъ на единственную почву, способную дать познаніе дѣйствительной, неприкрашенной никакими симпатіями или антипатіями истины, — на почву трезваго и объективнаго изученія возможно бо́льшаго количества фактовъ; чтобы, въ частности, въ печать проникало какъ можно больше возможно детальныхъ данныхъ, относящихся къ разнымъ сторонамъ быта переселенцевъ въ разные періоды ихъ жизни на новой родинѣ—въ Сибири, и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, точное и детальное изученіе быта сибиряковъ старожиловъ вытѣснило тѣ поверхностныя, голословныя представленія о нихъ, которыя до сихъ поръ такъ распространены и въ обществѣ, и въ литературѣ.

Александръ Кауфманъ.

Въ Пѣтуховской волости переселенцы-староселы имѣются въ трехъ селеніяхъ: въ д. Сливной—орловцы и симбирцы, въ Юдиной—пензенцы и пермяки, въ Ново-Березовой—одни пермяки. Во всѣхъ трехъ селеніяхъ переселенцы живутъ вмѣстѣ со старожилами и пользуются землею совмѣстно.